

## КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ АКСИОЛОГИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЦВЕТОВ)

ГАЛИНА СЫРИЦА

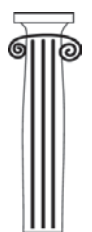
Даугавпилсский университет

galina.sirica@du.lv

**Ключевые слова:** концептуализация, аксиологичность, интенционал, импликационал, наименования цветов, сопоставление.

В центре рассмотрения в данной работе находится лексика, обозначающая природные реалии, и в частности, наименования цветов в русском, латышском и немецком языках. Как известно, концептуализация аксиологичности в рамках каждой тематической группы характеризуется рядом особенностей. Рассматриваемая лексика входит в группу существительных, «обозначающих декоративные травянистые растения» (БТСРС 90) и является потенциально аксиологичной, чаще всего позитивно оценочной – в силу специфики реалий, которые она обозначает. Культурно детерминированная часть значения находит отражение прежде всего во внутренней форме лексемы: ее оценочный потенциал во многом обусловлен характером мотивирующего признака, положенного в основу номинации. Эта непереводаемая часть значения (если внутренняя форма в разных языках не совпадает) в значительной степени определяет оценочный фон лексемы (ср.: *первоцвет, колокольчик, чертополох; gaiļbiksītes, biškrēsliņi, dzelksnis; Rittersporn, Schwertlilien, Wegwarte* и др.).

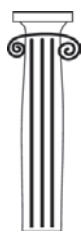
Интенционал семантики рассматриваемой лексики характеризуется универсальностью, а также отсутствием оценочных сем или их имплицитностью, что находит отражение в толковании ее значений в разных языках. Как правило, это свернутое «научное» («энциклопедическое») определение, в котором отражаются морфологические признаки растений, в известной степени идентичные в разных языках, – принадлежность к семейству, цвет, форма или размер цветка и др. (ср., например: *ромашка – травянистое растение сем. сложноцветных, с цветками, состоящими из белых лепестков и желтой трубчатой середины* (МАС 3,730); *Kamille – (zu den Korbblütern gehörende)*



*Pflanze mit gefiederten Blättern u. kleinen (würzig duftenden) Blüten mit gelbem Körbchen u. schmalen, weißen Blütenblättern* (Duden 1989,803). Оценочные семы (мелиоративные или пейоративные) входят в ядро значения лишь в том случае, если они отражают дифференциальные признаки реалии: *лютик – травянистое растение с ядовитым соком и преимущественно желтыми цветками* (МАС 2, 286), *бегония – название ряда тропических и субтропических растений с крупными пестрыми листьями или красивыми цветками, разводимых как декоративные* (МАС 1,67); *Wegwarte – (zu den Korbblütern gehörende) Pflanze mit dunkelgrünen, lanzettlichen Blättern u. zarten, strahlenförmigen, meist hellblauen Blüten* (Duden 1989,1720). Потенциальная оценочность закреплена в семах *душистый, пахучий, махровый* (ср. значение лексем *ландыш, астра, герань, левкой* и др.), а также семах, образно передающих форму цветка (ср.: *колокольчик – травянистое растение с лиловыми или темно-голубыми цветками, похожими на маленький колокол* (МАС 2, 96). Характер отбора этих признаков и специфика их описания обусловлены лексикографической практикой в том или ином языке. Одним из важных дифференциальных признаков в структуре значения данных лексем является сема цвета, особенно в одноцветных цветах (*ландыш, нарцисс, василек* и др.).

Импликационал значения имеет ряд особенностей, predetermined той или иной лингвокультурой. Первостепенное значение для концептуализации аксиологичности имеет специфика валентных связей. Развитие коннотативного фона находит отражение в иллюстративной части толковых словарей, однако необходимо отметить «случайный» характер отбора этих контекстов, их известную неполноту. Семантический объем импликационала находится в прямой зависимости от степени востребованности той или иной лексемы в системе вторичных номинаций, а также в разных видах дискурса, и прежде всего в поэтическом. Характер культурной детерминированности импликационала определяется не только количеством и «качеством» сем, его наполняющих, но и спецификой их актуализаций. В частности, наличие аксиологически амбивалентных сем (хороший – плохой), а также сем, тяготеющих к символике, например, семы цвета (прежде всего в структуре значения одноцветных цветов), predetermined особенности функционирования лексемы в данной лингвокультуре. Лексема вовлекается в ряд метафорических контекстов, при этом один из признаков может доминировать, и в таком случае метафорический перенос приобретает характер традиционного.

Рассмотрим в качестве примера толкование значения лексемы *василек – травянистое растение сем. сложноцветных, с синими цветками, встречающееся преимущественно среди посевов озимых хлебов* (МАС 1,138), *rudziņķe – viengadīgs asteru (kurvjziežu) dzimtas lakstaugš ar koši ziliem, retāk sārtiem ziediem* (LLVV 707); *Kornblume (bes. auf Getreidefeldern wachsende) zu den Korbblütern gehörende Pflanze mit schmalen Blättern und einzelnstehender Blüten von feuchtenblauer Farbe* (Duden 1989, 885). Во всех толкованиях значения



указывается интегральная сема “принадлежность к семейству” и отражается несколько дифференциальных признаков («место произрастания», «форма лепестков» и др.), и прежде всего сема цвета. Любопытно, что во всех языках компонент цвета передан разными семами: *c синими цветками, ar koši ziliem, retāk sārtiem ziediem; von feuchtenblauer Farbe*. Толкования указывают на сложность характеристики цвета (в значении латышского слова названы два цвета – *ar koši ziliem, sārtiem*; сложное прилагательное *feuchtenblau* в немецком языке передает оттенок синего цвета).

Позитивно-оценочный фон лексемы *василек* в русском языке обусловлен его внутренней формой, которая ассоциируется с именем *Василий* (ср. устойчивую модель этих номинаций в названии цветов *вероника, маргаритка*), а также наличием экспрессивного суффикса *-ек*. В целом ряде других языков в названии этого цветка отражен признак цвета: в чешском – *modračka* от *modry* – синий, в польском – *blawat(ek)* от *blawy* – светло-голубой, во французском – *bleuet* от *bleu* – синий (Черных 2002, 250). Приведенные в словаре Даля «народные» синонимы также отражают цветовую сему в системе номинаций: *блаватка, синовница, синецветка, синюха*. В латышском и немецком языках (и в ряде других языков) цветок имеет название с другой внутренней формой: *rudzpuķe* (ср. также вариант *rudzpuķe*), *Kornblume* (ср. также синонимы в немецком языке: *Ackerblume, Flockenblume*). Сложные наименования с использованием в их составе родового слова *puķe (Blume)* достаточно распространены в данных языках (ср.: *saulespuķe, dzegužpuķe*; ср. также наличие родовой номинации: *rudzziedi, Sonnenblume* и др.). Этимологические семы (*ржаной цветок, хлебный цветок*), закрепленные в названии, указывают прежде всего на среду произрастания – это цветок, сопутствующий хлебным полям и в этом смысле потенциально нежелательный.

Характерной особенностью рассматриваемой лексемы является амбивалентная оценочность, которая развивается на основе актуализации двух релевантных признаков: голубой цвет (небесный) и «простой» цветок (сорняк). Это отражено в известной строке Вознесенского: *Сирый цветок из породы репейников, /но его синий не знает соперников* («Васильки Шагала»). Аксиологичность лексемы *василек* в рассматриваемых языках во многом социально обусловлена: в крестьянской (народной) среде слово тяготеет к развитию сниженных коннотаций, в книжной речи, в частности, в поэтическом дискурсе она чаще всего удерживает высокий коннотативный фон. Социальная обусловленность оценки отражена в толковании значения в словаре Даля: «глушит ржаные поля» (Даль 1,167), в системе номинаций (ср.: *синюха*), кроме того, указывается на близость василька к сорным растениям: «есть до десятка русских видов этого рода, частью близких к репейнику и чертополоху» (Даль 1,167). В «Историко-этимологическом словаре» Черных в толковании значения также дважды подчеркивается «вредоносное» начало растения: «Травянистое сорное растение семейства сложноцветных, глушащее посевы» (Черных 2002, 250).



Негативно-оценочные коннотации ярко отражены в примете, строящейся на обыгрывании омофонии *Василиск – василек*, где лексема *василек* актуализирует сему «сорняк»: «*На Василиска не пахнут, не сеют, а то уродятся одни васильки*» (Даль 1,167). Д. С. Лихачев в «Заметках о русском» пишет: «*Все-таки васильки – сорняк, и сорняк слишком яркий, густо-синий <...>. Крестьянин не признает васильки своими, и рублевский цвет не синий, а скорее небесно-голубой*». (Лихачев 1987, 480). Наличие амбивалентных сем в структуре значения предопределяет возможность амбивалентных коннотаций, которые ситуативно (в том числе интонационно) обусловлены. Фраза *Ну и поле – одни васильки!* – может иметь как негативно-оценочный фон (вместо посевов хлеба – сорняк), так и позитивно-оценочный (какое красивое поле).

Амбивалентная оценочность лексемы *Kornblume* обыгрывается в стихотворении Ю. Штурма: *Der Bauer steht vor seinem Feld/ Und zieht die Stirne kraus in Falten:/ «Ich hab' den Acker wohl bestellt/ Auf reine Aussaat streng gehalten,/ Nun seh' mir Eins das Unkraut an!/ Das hat der böse Feind gethan»./ Da kommt sein Knabe hoch beglückt/ Mit bunten Blüthen reich beladen, /Im Felde hat er sie gepflückt, /Kornblumen sind es, Mohn und Raden. /Er jauchzt: „Sieh, Vater, nur die Pracht!/ Die hat der liebe Gott gemacht!”* (Gedichte 1850, 48). Социально обусловленные негативные коннотации находят отражение в немецких поверьях: «В некоторых местностях Германии пользуются васильками еще для запугивания детей, чтобы они не ходили по хлебным полям и не топтали ржи. «Если будете рвать васильки, – говорят им, – то ржаной козел схватит вас и убьет рогами» <...> Василек в деревнях называют козлом (*Ziegenbock*) и считают олицетворением какого-то полевого лешего или демона. Леший этот, по их поверью, сидит в васильке и, когда жнут хлеб, нападает на ленивых рабочих и работниц, поражая их болезнью. А потому, когда крестьянские девушки идут в первый раз жать, то их предупреждают: «Берегитесь, как бы вас ржаной козел не ударил!» И если какая-либо из них от жара или утомления заболит, то говорят: «Это ржаной козел ее зашиб» (Золотницкий www).

Необходимо отметить, что входящие в импликационал негативно-оценочные семы «простой цветок», «не имеющий аромата», «быстро увядающий», а также «вредное растение, сорняк» в художественном дискурсе актуализованы достаточно редко: *А ты ни пышен, ни пахуч/ Так солнца ты своей доукою не мучь!* (Крылов); *Только дружба обещает/ Мне бессмертия венки; /Он приметно увядает, /Как от зноя василёк* (Батюшков); *дорога пошла среди сплошных ржей, – опять тощих, слабых, переполненных васильками* (Бунин) (ср. также в латышском дискурсе: *Rudzu un kviešu laukos parastas nezāles ir rudzupuķes* (Galenieks)).

Позитивно-оценочный фон устойчиво закреплен за синим цветом, и прежде всего благодаря установлению связей с цветом неба (ср.: *Во поле хлеба – чуточку неба*), лексема *синий* развивает символическое значение, связанное с указанием на небо, высь: *непобедимо синий завет – Небом Единым Жив Че-*





ловец (Вознесенский). Эта же связь с небом устанавливается в латышском и немецком поэтическом дискурсе: *Nakts kā rudzupuķe zila, Zilā puķe – jūnijnakts!* (V. Belševica); *Sind Tröpflein von Himmelsblau/ Heut' auf mein Feld gefallen* (G. Metscher); *Auch mahnt sein Himmelblau zugleich* (E. Geibel), *Die blaue Kornblum wohnt versteckt,/ So hab ich meinen Schatz entdeckt* (M. Dauthendey). Цветовая гамма группы синего цвета в описании василька достаточно широка: *синий, голубой, лазурный, ярко-синий, голубенький, лиловый, густо-синий*. Устойчивый эпитет – *голубой*: *А вот это я для вас, – прибавила она, доставая из-под желтой рябинки небольшой пучок голубеньких васильков, перевязанных тоненькой травкой, – хотите?* (Тургенев). Сема «способность менять цвет» отражена в следующих контекстах: *васильки ярко-синие на солнце и в молодости и голубые и краснеющие вечером и под старость* (Толстой); *«Это как васильки, – подумал землемер. – Днем синие, а погляди вечером, при лампе, – лиловые»* (Бунин).

Культурно-специфичные коннотации закрепляются в метафорических контекстах. Аксиологичность основывается на развитии переносных значений. Лексема *василек* в значении «о предмете синего цвета» устанавливает два типа референтных связей – с характеристикой мира природы и человека: *Васильком цветом Сафир,/ Сказка фей, глазок павлиний,/ Смех лазурный, ясный, синий,/ Незабвенный, милый мир* (Н. Тэффи) (ср. также: *Посмотри, Суламифь, на эти сапфиры. Одни из них похожи цветом на васильки в пшенице* (Куприн); *Ах, колокольчик! Твой ли пыл/ Мне в душу песней позвонил/ И рассказал, что васильки/ Очей любимых далеки* (Есенин); *Сердцем я все такой же./ Как васильки во ржи, цветут в лице глаза* (Есенин); *Васильки загоревшихся глаз* (Кедрин). Высокая степень востребованности семы цвета в структуре значения приводит к тому, что лексема *василек* становится символом, знаком-заместителем (ср., например: *На вербе солнце брызжет, солнце греет. Небо – василек* (С. Черный)). Кроме того, она развивает новое значение, позволяющее дать характеристику внутреннего мира, эмоционального состояния: *Васильками сердце светится, горит в нем бирюза* (Есенин). Ассоциативный ряд, строящийся на уподоблении цвета глаз цветку василька характерен также для латышского языка: *Tumšs rudzupuķu vanadziņš /Aizvien man kaut ko sacīs.../ Es raugos ziedu zilumā/ Kā mīļās tumšās acīs* (Jaunsudrabiņš).

Производная позитивно-оценочная сема «царственный цветок» имплицитно закреплена в семе «форма лепестка» (с зубчатыми краями): *Чуть кивали во ржи васильков/ Голубые, как небо, коронки,/ Слыша зов,/ Серебристый, и чистый, и звонкий* (Белый); *Их витражей голубые зазубрины – / с чисто готической тягою вверх* (Вознесенский).

Востребованной является также входящая в импликационал сема «(из васильков) плетут венки»: *так вот я себе венок сперва совью; жать-то я еще успею. Начинаю я рвать васильки, а они у меня промеж пальцев тают да тают, хоть ты что! И не могу я себе венок свить <...>* (Тургенев). В ла-



тышском языке закрепилось устойчивое сочетание *rudzupuķu vainags*. Коннотативный фон данных контекстов («прекрасный венок» – «простой, непритязательный») во многом определяется валентными связями: *Твой васильковый, ромашковый/ Неповторимый венец* (Б. Соколов) (ср. использование здесь высокого слова *венец*); *Kornblumen flecht'ich dir zum Kranz/ Ins blonde Lockenhaar* (E. Geibel); *Kalvis <...> skatās lauku puķu vainadziņā <...> Kalvis: Tu redzi, ir tie paši raibie ziedi: Sveķenes, rudzupuķes, pīpenes. Skarbalts: Es nezinu, kas vakar bij par puķēm. Tik viņu raibums vien man atmiņā.* (R. Blaumanis) (ср. повтор лексем: *raibie, raibums*).

Наличие цветовой семы в структуре значения как самого характерного признака, а также «приблизительность», неточность описания синего цвета обусловили появление цветového прилагательного *васильковый*, призванного отразить специфику данного цвета. В русской языковой картине мира *васильковый* – «ярко-синий, цвета василька» (МАС 1,138) (ср. также определение василькового цвета у Даля: «густо голубой, ярко голубой, самый чистый голубой») (Даль 1,167). Цветовое прилагательное *васильковый* используется не только в прямом значении (ср.: *Я хотел бы теперь хорошую/ Видеть девушку под окном. /Чтоб с глазами она васильковыми* (Есенин)), но и обнаруживает способность развивать переносное значение на основе актуализации оценочной семы «самый лучший»: *Ты – мое васильковое слово, /Я навеки люблю тебя* (Есенин). Цветовая семантика *васильковый* в латышском языке устанавливается с помощью генитивного словосочетания *rudzupuķu zils* (*rudzupuķu zilās acis; rudzupuķes krāsā*): *Es mīlu zilu krāsu visdažādākajos toņos – gaiši zilu kā debesis, rudzupuķu košo un pavisam tumšu* (Brodele). Любопытно, что в немецком языке цветového прилагательное *kornblumenblau* с тем же значением „василькового цвета“ («leuchtend blau») одновременно развивает сниженное переносное значение «сильно пьяный» – «(salopp; stark betrunken) sein» (Duden 2006,1004).

Подведем некоторые выводы.

Культурно-специфические особенности концептуализации аксиологичности в рассматриваемой группе лексики связаны с внутренней формой лексем, а также со степенью их востребованности в разного рода дискурсах. Интенционал семантики в значительной степени совпадает в разных языках и характеризуется отсутствием оценочных сем или их имплицитностью. Оценочные семы (мелиоративные или пейоративные) входят в ядро значения лишь в том случае, если они отражают дифференциальные признаки реалии.

Рассматриваемая в качестве примера лексема *василек* имеет разную внутреннюю форму в разных языках, чаще всего в ней отражается сема цвета или места произрастания. Сема цвета выступает также в качестве дифференциальной семы в структуре значения лексемы *василек* (*rudzupuķe, Kornblume*) и характеризуется разными оттенками в разных языках (*с синими цветками, ar koši ziliem, retāk sārtiem ziediem; Blüten von feuchtenblauer Farbe*). Аксиологичность базируется на основе взаимоисключающих когнитивных признаков – «сорняк»



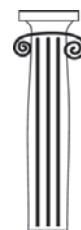
и «синий (небесный) цветок». Благодаря этому, лексема *василек* входит в оценочно антонимичные парадигмы: с одной стороны – *репейник, чертополох, сорняк*, с другой – *ромашка, незабудка, колокольчик*.

Концептуализация оценочности в импликационале зависит от количества и качества семантических признаков, актуализованных в разных типах дискурсов, и прежде всего в поэтическом. В силу специфики места произрастания (хлебные злаки) лексема *василек* получает социально обусловленные сниженные оценки (сорное растение). В развитии позитивной оценочности существенную роль играют речевые метафоры, строящиеся на основе актуализации семы цвета. Лексема *василек* (*rudziņķis, Kornblume*) актуализирует семы «сорняк», «быстро увядающий цветок», «прекрасный цветок», «синий, имеющий цвет неба», «по мере старения меняет цвет», «из него плетут венки», «зубчатая форма лепестка напоминает корону» и др. Культурно-специфичные коннотации получает цветочное прилагательное *васильковый* (*rudziņķis zils, kornblumenblau*).

Как показал анализ, рассматриваемая в качестве примера лексема *василек* во всех трех языках устанавливает амбивалентную оценочность; характер соотношения контекстов с противоположной оценочностью нуждается в дальнейшем изучении.

## Литература

- Belševica V. *Par saknēm būt. Zvaigzne ABC*.  
Duden 1989 – *Duden Deutsches Universalwörterbuch*. Dudenverlag. Mannheim–Leipzig–Wien–Zürich, 1989.  
Duden 2006 – *Duden Deutsches Universalwörterbuch*. Dudenverlag. 6. Überarbeitete und erweiterte Auflage, 2006.  
*Gedichte von Julius Sturm*. Leipzig: Brockhaus 1850.  
Jaunsuderabiņš J. *Kad zelta vējš pa ziediem iet. Zvaigzne ABC*.  
LLVV – *Latviešu literārās valodas vārdnīca*. Rīga, 1991.  
Апресян Ю. Д. Толковый словарь и интегральное описание языка. *Вопросы языкознания*, 1986, №5.  
Берестнев Н. К философии слова (лингвокультурологический аспект). *Вопросы языкознания*, 2008, №1.  
БТСРС – *Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы, Антонимы*. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА 2005.  
Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4-х томах. Москва, 1981.  
Золотницкий Н.Ф. *Цветы в легендах и преданиях*. Москва, 1913. <http://www.google.ru/#sclient=psy&hl>.  
Лихачев Д. С. Заметки о русском. *Лихачев Д. С. Избранные работы в трех томах*. Ленинград: Художественная литература, 1987.  
МАС – *Словарь русского языка*. В 4-х т. Москва: Русский язык, 1981.



Толстая С. М. «Человек живет, как трава растет»: вегетативная метафора человеческой жизни. *Сокровенные смыслы. Слово.Текст. Культура. Языки славянской культуры*. Москва, 2004.

Черных П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. В 2-х томах. Москва: *Русский язык*, 2002.

**Galina Syrica**

## **AKSIOLIGINIO ASPEKTO KONCEPTUALIZACIJOS KULTŪRINĖS YPATYBĖS (GĖLIŲ PAVADINIMAI)**

**Santrauka**

**Pagrindiniai žodžiai:** *konceptualizacija, aksiologija, intensionalas, implikacionalas, gėlių pavadinimai, gretinimas.*

Straipsnio turinį sudaro aksiologinio aspekto konceptualizacijos ypatybės gėlių pavadinimų teminėje grupėje rusų, latvių ir vokiečių kalbose. Šios leksinės grupės aksiologinio aspekto aktualizacijos ypatybės susijusios su žodžių vidine forma, taip pat su jų vartojimo dažnumu skirtinguose diskursuose. Semantinis intensionalas didžia dalimi skirtingose kalbose sutampa, jam būdinga vertinimo semų nebuvimas ar jų implicitinis pobūdis. Vertinimo semos (melioratyvinės ar pejoratyvinės) įeina į reikšmės centrą tik tuo atveju, kai jos atspindi realijos diferencinius požymius.

Vertinimo konceptualizacija implikacionale priklauso nuo kiekio ir kokybės semantinių požymių, aktualizuojamų skirtinguose diskursų tipuose, visų pirma poetiniame. Kaip pavyzdys straipsnyje analizuojama leksema *василек* (*rudzupuķe, Kornblume*), kuri skirtingose kalbose turi skirtingą vidinę formą, dažniausiai joje atsispindi spalvos arba augimo vietos semos. Aksiologija remiasi į vienas kitam prieštaraujančius požymius – „piktžolė“ ir „mėlyna (dangiška) gėlė“. Specifinę kultūrinę konotaciją įgauna ir būdvardis *васильковый* (*rudzupuķu zils, kornblumenblau*). Leksema *василек* visose trijose kalbose demonstruoja ambivalentinę aksiologiją; kontekstų pobūdžio santykis su priešingu vertinimu reikalauja tolesnio tyrinėjimo.





**Galina Syrica**

**SPECIFIC CULTURAL FEATURES OF AXIOLOGICAL  
CONCEPTUALISATION (ON THE MATERIAL OF FLOWER NAMES)**

**Summary**

**Keywords:** *conceptualisation, axiology, intention, implication, names of flowers, comparison.*

The paper deals with specific features of axiological conceptualisation in the lexical group of flower names in Russian, Latvian and German. Special features of axiological conceptualisation in the given group are connected with the internal form of lexemes and with the degree of their usage in different discourses. Intentional meanings in different languages coincide and are characterised by the lack of valuation semes and their implicity. Valuation semes (meliorative or pejorative) are included into the meaning nucleus only in the case they have distinctive features of realia.

Valuation conceptualisation depends on the quantity and quality of the semantic features actualised in different types of discourses, and first of all in the poetic one. The examined lexeme *василек* (*cornflower, rudzupuķe, Kornblume*) has a different internal form in different languages but more often it reflects the colour or the place of growth. Axiology is based on the mutually exclusive cognitive features – “a weed” and “a blue (sky-blue) flower”. The colour adjective *васильковый* (*cornflower-blue, rudzupuķu zils, kornblumenblau*) also receives specific cultural connotations. The lexeme *cornflower* in all three languages determines an ambivalent valuation; the relationship of contexts with the opposite valuation needs further studies.

